

А. Саулов. Я боюсь опоздать. Стихи. Кемерово, кн. изд., 1974.

А. Саулов был талантлив, и потому о его поэзии есть что сказать, не имея нужды заменять слово «талант» другими. Оговорюсь сразу, что жизнь, освоенная поэтом, невелика — не сумел или, вернее, не успел он к своим двадцати шести навсегда остановившимся годам объять ее во всей широте и сложности. Но тот небольшой мир, который он открыл, наполнен его личностью и дышит истинной поэзией. Этот мир нестандартен, он принадлежит Саулову и никому другому.

По стихам хорошо восстанавливается путь его в поэзию. Стихи начались гораздо раньше, чем он услышал самое слово «поэзия»: «... и щептали губы что-то, и не знали, что — стихи».

В детском воображении окружающий мир освещается сказочно-поэтическим светом: тополь под окном напоминает спящего страуса на одной ноге, закат — множество жар-птиц, а ручей — как Змей Горыныч, «о камни бьет хвостом». Потом пришли сами стихи, и с ними то «шаловное чувство строк», которое уже не оставит поэта всю жизнь.

В стихах последних лет Саулов упоминает о «мужах творчества», но мы и сами видим, как строг становится он к себе, как упорно извлекается от приближительности и случайности слов, от незрелости и «легкости» мысли. При этом — умеет избежать искусов литературной моды, стремления писать «модерново», — он остался верен себе в своих жизненных и литературных привязанностях. Саулов верит в талант, без всякого кокетства, уважительно относясь к нему:

Свет белый держат не Атланты.
Его, как грузчики, таланты
На плечи крепкие берут.

Что же сумел сказать своей поэзией Саулов? Пожалуй, лучше всего он сумел себя выразить через природу. Любимый и наиболее часто встречающийся образ в поэзии Саулова — спелая земляника. Ягодный дух, сладкий, нежный, дурманящий, как бы пропитывает строки его стихов. Поэт любит тем, как «красным градом земляника заплясала, выпала...», ему хочется «брать губами эти ягоды прямо с каплями росы», и даже солнце кажется ему «земляничкою спелюю». И этот образ, к которому так тянется автор, есть уже какой-то ключ к эмоциональной сфере его творчества, недаром

же одна из его книг так и названа — «Земляника».

Конечно, одной природой невозможно исчерпать глубокий и сложный мир поэта, который пишет и о друзьях, и о любви, о труде и о войне — но именно природа с наибольшей силой вобрала в себя его мироощущение, его представления о жизни:

Я начинаюсь, как река,
В зеленом поле, в летнем поле.
И если что с тех лет и помню,
То лишь траву и облака...

Не часто в наше время встретишь такое органическое единство поэта и окружающей его природы. В них поэт просто живет и наслаждается в полную силу своих душевных возможностей. И в шутку сказанные слова воспринимаются как откровенные:

А в полях — перепела.
А душа моя светла.
Может, правда, меня мама
Под березою нашла?

Наверное, отсюда пришел к Саулову его светлый оптимизм — но не как бездумное ощущение радости каждодневного существования, а как умение наслаждаться и вдохновляться красотой жизни при всем ее драматизме, сложности и трудности. Отсюда же и открытая эмоциональность поэта:

К дождикам руки протяну
И отражусь в зеленых лужах.
И буду слушать, слушать, слушать
Цветную, птичью тишину.

Природа у Саулова жизнерадостна, — она играет, цветет, переливается, и человеку в ней тоже радостно. Взгляд поэта ловит свет и краски, и даже ночью его касаются «и синь, и солнце, и луна»; рисуемые им картины природы яркие, сияющие и прозрачно-чистые:

До горизонта — березняк.
И только дождь промчался частый.
Хрустальной выгнутою чашей
Над миром встала белизна.

Как это всегда бывает при чтении хороших поэтов, с их стихами читаешь забытые знаки своего детства, позабытые мгновенья и — радуешься, что в строках этих сказано то самое, что тебе так хотелось сказать. В стихах Саулова гармония человека и природы возникает очень естественно, просто, иногда вроде бы и явно: он может взять обыгранный множество раз в поэзии образ, а он — звучит свежо, поэтично, проникно-

венно. Казалось бы, что завидного для поэта в песне перепелки, известной каждому ребенку — «Спать пора!», а стихотворение «На лугах трава росиста», построенное на этом рефрене, навеивает столько покоя и умиротворенности, как будто рядом с тобой и эта вечерняя росистая трава, и пасущиеся слутанные кони, и тихий дым костра:

Над покосом солнце село,
Но бела берез кора.
Ты шуршишь прохладным сеном:
— Спать пора! Спать пора!

Звезды вышли. Тени снякли.
Снякли крылья у костра.
Пахнут губы земляничкой...
Спать пора! Спать пора...

Не гадаю, что приснится,
Не уснуť мне до утра.
Тишь вокруг. И темь. А птицам
Спать пора! Спать пора!

Здесь слышишь звукопись стиха, замечаешь, как мастерски, глазом художника, воссоздано угасание дня, наступление вечера, ночь, как легко представимы эти картины, даже со светотенью и перспективой...

Как случилось и со многими поэтами, Саулов, родившись и выросши в деревне, стал горожанином, но город сам по себе его музу не вдохновлял. Душевная привязанность у него одна — и потому, например, полуночный трамвайный звонок напоминает ему колокольчик на шею пасущегося коня; по осени ему слышится звон косы, которую точит отец... Казалось бы, уже достаточно привывшаяся ситуация: горожанин, вздыхающий о деревне, но не думающий в нее возвращаться. Но готовая уже появиться на губах ироническая усмешка умирает: ведь поэта действительно глубоко ранит такая раздвоенность, хоть она вынужденна и вполне объяснима в наше время; для него болезнен отрыв от родного ему мира, и чужства его, как всегда, неподдельны:

За деревней росные покосы
Млеют, залах ягоды храня.
Сердце, сердце, что ты? Успокойся.
Я еще вернусь в мой край.

Природа и Родина для Саулова неразрывны, и отсюда именно вытекает гражданское чувство готовности защищать все это своей собственной жизнью:

Да и ты в минуту грозную
Не отступишь в дальний тыл,
Коль родную землю росную
Ты, спиною ощутил.

На наших глазах происходит «расширение» понятий об основных ценностях жизни. Слово «Родина» для поэта реально обогащается хотя бы тем, что он побывал, поработал там, где всего труднее. При всей своей любви к родному краю он не может «не метаться по земле» — его ищущий, беспокойный характер заставляет быть там, где все только начинается, для него самое страшное — растратить себя по пустякам, жить не в полную меру своих духовных возможностей:

Я боюсь опоздать,
Мечтам изменя,

Что уйдут поезда
В дальний рейс без меня...
Мчатся рельсы, маня,
Как лыжня на снегу.
Будто юность моя
Остается в долгу.

Само название сборника Саулова наполнено вполне конкретным содержанием — «Я боюсь опоздать». И это у него не бравада, — просто качество характера, счастливо совпадающее со вполне осознанным желанием быть на переднем рубеже жизни. И родина — это уже не только родной край, это вся страна, это социалистическая Родина, и где-то далеко от родных мест, в очень трудную минуту, возникает это слово в его уже самом высоком смысле:

...В ямы падали не раз,
На пеньки, колодины.
Где-то ждали нас сейчас!
И сказал один: — На нас
Смотрит, братцы, Родина...

Очень явственно ощущаешь, читая стихи Саулова, как мучает его душа, как избавляется он от юношеского недомыслия, инфантилизма. Пытаясь осмыслить свои приобретения и потери, он испытывает тревогу, смятенность. Он как бы шлифует свою душу, искренне, но не до самообнажения. Страстное стремление прожить жизнь не даром, а достойно, находит свой выход в горячей просьбе: «Жизнь, не дай ошибиться. Дай себя мне найти!». И мы чувствуем, как к нему приходит душевная зрелость, осознание своего места в жизни, способность оценивать окружающих и самого себя высшей нравственной мерой, слитность со своим поколением. А вместе с этим приходит внутренняя собранность, цельность, отчетливость мысли:

Давайте, мальчики, взростеть.
Давайте меньше суетиться.
Уже не розовый рассвет,
А полдень смотрит в наши лица.

Пора, светло и горячо
Пройдя сквозь множество вопросов,
Сказать эпохе твердо, просто:
— Я вырос. Вот мое плечо.

Но не только в сфере гражданских чувств мы видим духовное развитие автора — и в человеческих отношениях тоже. В этой связи нельзя не сказать о любовной лирике Саулова. При всей неповторимости отношений двух людей, и в них человек тоже что-то приобретает — прежде всего, умение уважать друг друга, в любой ситуации сохранять порядочность и человечность. В лирическом герое Саулова как раз хотелось бы отметить душевную тонкость, умение ценить все то, что несет с собой любовь. Поэт пишет об этом не много и не навязчиво, но строй его чувств волнует и трогает. Есть несомненная связь между отношением автора к любимой женщине и той его проникнутостью красотой природы, о которой выше шла речь. Само ожидание любви как бы рождается из нежного пейзажа:

Качалось трепетное утро.
Сирени плыли облака,
И возникла смутно-смутно
Та, что не встречена пока...

Саулов очень сдержан в описании своих чувств, наверное, потому, что понял всю сложность, порой неуловимость человеческих переживаний. Главной темой любовной лирики Саулова как раз и выступает ошибка неразгаданной вовремя любви.

...Отшумел наш новогодний снег,
Листопады и метелей гуды,
Отчего же снова помнят губы
Твое имя светлое во сне?

Отчего же на исходе дня
Все острей и пустота и холод
В час, когда под окнами проходит
Женщина,
любившая меня?

Во всех ситуациях любви автор сохраняет благородство, в неудачах склонен обвинять прежде всего себя, а за все хорошее хранит в душе своей благодарность.

Учиться заново любви.
Пусть у дорожного изгиба
Шаги не слышатся твои.
Но все равно тебе спасибо.

«Я боюсь опоздать...» Эта книга была последней в творчестве Саулова.

И. ТИМОШЕНКО